

УДК 396

Равенство мужчин и женщин: является ли Франция исключением?*

Р. Сенак-Славински, доктор политических наук, сотрудница Центра им. Мориса Хальбвакса Национального центра научных исследований (CNRS), преподаватель Университета Новая Сорбонна и Высшей школы социальных наук (Париж)

В статье речь пойдет о равном представительстве мужчин и женщин в органах власти в свете политических идей, гендерных контрактов и государственной политики Франции.

Gender equality: is France an exception?

R. Senac-Slawinski, PhD. in political science

The problem of equal representation of men and women in governmental bodies in context of political ideas, gender contracts and France state's politics is analyzed in the article.

Еще со времен Геродота мифология представляет нам Европу как избранную женщину, которую полюбил самый великий греческий бог Зевс. На полотнах многих художников, от Веронэзе до Гогена, она изображена в образе финикийской принцессы, дочери короля Агенора, похищенной у берегов Азии и доставленной на остров Крит Зевсом в образе белого быка. Но миф все еще остается реальностью, ведь участие женщин в политике «вовсе не является общепринятой нормой, а скорее, продолжает вызывать вопросы и рассматриваться как своеобразное нарушение» [1, с. 96]. Следует напомнить, что к ноябрю 2010 г. только в девяти странах мира женщины занимают пост главы государства, причем четыре страны из этого списка находятся в Европе: Т. Халонен в Финляндии, М. Мак-Ализ в Ирландии, Д. Грибаускайте в Литве, и Д. Лойтхард в Швейцарии. Пост премьер-министра женщины занимают в девяти странах, пять из которых находятся в Европе: А. Меркель в Германии, Я. Косор в Хорватии, М. Кивиниemi в Финляндии, Й. Сигурдардоттир в Исландии и И. Радичова в Словакии. Среди стран-участниц Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) женщины-депутаты составляют 21,6 %, а среди государств-членов Европейского Союза (ЕС) — 23 %. Средний мировой показатель равен 19 % (согласно данным Межпарламентского союза).

Выражение «французская исключительность» [2] долгое время ассоциировалось со слабым представительством женщин в органах власти. В этой связи стоит задаться вопросом, смогла ли Франция, значительно продвинувшись в последнее время

в выстраивании равенства мужчин и женщин на концептуальном и юридическом уровне, превратиться, в конечном счете, из некоего исключения из правил в подлинный пример для подражания?

Так называемые законы о равном представительстве 1999, 2000 и 2001 гг. обязывают политические партии во время выборов, когда голосование идет по партийным спискам, включать в эти списки равное количество кандидатов мужчин и женщин. Здесь речь идет о выборах в муниципальные и региональные советы (в коммунах с числом жителей 3500 и более), о выборах в Сенат (при пропорциональном голосовании) и в Европейский парламент. Что касается парламентских выборов, которые проходят по мажоритарной системе, то при несоблюдении принципа равного представительства мужчин и женщин среди кандидатов какой-либо партии указанные законы предполагают применение финансовых санкций к этим политическим партиям. Таким образом, Франция, где еще в 2000 г. парламент на 90 % состоял из мужчин, становится первой страной, принявшей законодательство об обязательном политическом паритете мужчин и женщин. Другие страны, которые стремились увеличить число женщин в выборных органах, до сих пор устанавливают для женщин квоты, не превышающие 33 %.

Стоит учесть, что французский термин «паритет», который юридически определяют как «гарантированное и количественно выражаемое равенство мужчин и женщин в доступе к некоторым выборным должностям» [3], в целом сложен для понимания. Так происходит в основном по двум причинам.

Во-первых, термин «паритет» не фигурирует в юридических текстах о равном представительстве:

* Перевод Ю. Касперович.

ни в конституционном законе от 8 июля 1999 г. (статьи 3 и 4) о равенстве между женщинами и мужчинами, ни в законах от 6 июня 2000 г., 4 июля 2000 г. и 31 января 2007 г. о равном доступе женщин и мужчин к выборным должностям. Термин «паритет» употребляется лишь в обоснованиях необходимости принятия данных законопроектов. Законопроект о равном доступе женщин и мужчин к выборным должностям, предложенный на рассмотрение 8 декабря 1999 г., еще раз подтверждает, что принцип паритета лежит в основе модернизации политической жизни во Франции.

Во-вторых, пройдя сквозь долгие дебаты, посвященные уместности использования мер позитивной дискриминации, термин «паритет» становится своего рода девизом требования равенства между полами. Он и впрямь используется в сравнении положения мужчин и женщин в обществе* и, в широком смысле, при описании государственной политики по выстраиванию идей гендерного равенства.

Ради избегания каких-либо смысловых погрешностей важно понимать, что термин «паритет», также как и его юридическое истолкование, представляет собой французский ответ на международные и европейские требования о равноправном участии женщин в процессе принятия решений. Термин «паритет» сформировался в начале 1990-х гг. в рамках международных дебатов об участии женщин в политике. Пекинская конференция 1995 г. и изменение направления европейской политики в пользу равенства полов с принятием *gender mainstreaming* способствовали выведению данного вопроса на новый уровень.

Нарушая условия равноправия во имя права на равные возможности для мужчин и женщин, так называемые законы о «паритете» открывают международные дебаты о пользе позитивной дискриминации по отношению к женщинам. Данный вопрос был освещен конвенцией ООН 1979 г. о ликвидации

* Этот подход представлен работой, которую регулярно публикует Национальный институт статистики и экономических исследований (INSEE) с 2001 г. под названием «Женщины и мужчины. Взгляд на паритет». Эта работа оценивает французское общество по половому признаку и делится на три основные темы: «Женщины, мужчины, пары, дети» (население, семья, здоровье), «От школы до работы» (образование, профессиональная деятельность, доходы), «Повседневная жизнь и отношения в обществе» (взаимозависимость: семейная жизнь/профессиональная жизнь, отношения в обществе, досуг, власть). Сотни таблиц и графиков, которые обновляются ежегодно 8 Марта, в Международный женский день, являются основным источником информации для органов государственной власти, благодаря необычайному богатству и разнообразию собранных показателей.

всех форм дискриминации (CEDAW) и был также затронут на Пекинской конференции 1995 г., что заставляет по-новому взглянуть на французский принцип республиканского универсализма.

Прежде чем объяснить, в чем заключается французская специфика видения равенства между мужчинами и женщинами, следует сперва рассмотреть, в каком контексте происходило становление «концепта-метода» [4] паритет во Франции и как понятие «паритет» претворялось в отдельную государственную политику.

Как объяснить тот факт, что Франция, где женщины получили право голоса лишь в 1944 г., стала первой страной, законодательно закрепившей принцип равного представительства мужчин и женщин в органах власти? Сразу следует уточнить, что понятие «паритет» и посвященные ему законы приобретают свое подлинное значение только с учетом провала системы квот, установленных законодательно или уставами политических партий. Наш подход заключается в том, чтобы рассмотреть французские законы о паритете в контексте мировых стратегий и французской ситуации с компенсированием недостаточного представительства женщин в политике.

С точки зрения требований равного представительства [5] интересно отметить, что, помимо законов о квотах и введения квот на представительство женщин в политических партиях (преимущественно в скандинавских странах), Бельгия и Испания приняли законы о паритете в 2003 и 2007 гг. Для того чтобы объяснить принципы государственной политики в национальном и международном контекстах, следует воспользоваться сравнительным методом [6]. Мы проанализируем ситуацию в трех абсолютно разных странах. Во-первых, это будет Руанда, которая изначально выбрала квоты на представительство в парламенте, закрепленные в конституции. Во-вторых, речь пойдет об Испании, где политические партии сами для себя устанавливали квоты на равное представительство мужчин и женщин в числе кандидатов. И, наконец, посткоммунистические страны, где была такая же ситуация, как и в Испании.

На африканском континенте представительство женщин в национальных парламентах весьма разнообразно: в ноябре 2010 г. Руанда стала первой страной в мире, где процентное соотношение женщин в парламенте достигло 56,3 %, в то время как Йемен находится на последней позиции, и число женщин-депутатов не превышает 0,3 %. Средний же показатель по Тропической Африке составляет 19,1 %, а в арабских государствах не превышает 11,1 %. Тот способ, используя который Руанда смогла предоставить женщинам доступ к полити-

ческой жизни, свойственен небольшому, но постоянно растущему количеству африканских стран. Представительство женщин в парламенте Руанды вписывается в более широкий контекст использования квот в африканских странах и в странах, выходящих из внутриконтинентальных ситуаций. Согласно данным Межпарламентского союза*, с 2000 г. страны, только вышедшие из внутриконтинентальных ситуаций, входят, как правило, в тридцатку первых стран по количеству женщин-депутатов и женщин, представленных в других органах власти в силу специальных квот.

В ноябре 2010 г. нижняя палата парламента Руанды насчитывала 56,3 % женщин, а Сенат — 34,6 %. Эти цифры являются тем более впечатляющими, если учесть, что женщины в Руанде получили право избирать и быть избранными лишь в 1961 г. после объявления независимости страны от Бельгии. До гражданской войны 1990-х гг. и геноцида 1994 г. число женщин-депутатов в Руанде никогда не превышало 18 %. После геноцида в течение 9 лет (с 1994 по 2003 г.), когда в стране правило переходное правительство, количество женщин в парламенте достигло 25,7 % (по прямому назначению), а в 2003 г. выросло до 48 %.

Новая конституция, принятая в мае 2003 г., была разработана конституционной комиссией из 12 человек, в число которых входили 3 женщины, среди них была Ж.Канакузе, единственный представитель гражданского общества. Преамбула конституции опирается на различные международные документы по правам человека, в частности, на конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации (CEDAW). В первой части конституции девятая статья второй главы гласит: «Республика Руанда обязуется построить правовое государство и демократический плюралистический режим, обеспечить равенство всех граждан страны, а также равенство между мужчинами и женщинами посредством предоставления женщинам как минимум 30 % мест в важнейших политических институтах». Все аспекты процедуры выделения мест женщинам в Парламенте и в Сенате изложены в четвертой части конституции. После геноцида 1994 г. решение правительства Руанды сделать принцип равного представительства мужчин и женщин в органах власти основополагающим принято под влиянием Уганды на Руандский Патриотический Фронт (РПФ). Уганда тогда уже приняла систему квот, чтобы обеспечить участие женщин в политике, выделяя женщинам по одному месту в каждом округе.

* Межпарламентский союз был основан в 1889 г. и является самой старой международной политической организацией; <http://www.ipu.org/french/home.html>

Мужчины и женщины РПФ были хорошо знакомы с этой системой и знали о достижениях женщин — членов Африканского национального конгресса (АНК) Южной Африки.

В случае с Испанией мы видим пределы противопоставления между, с одной стороны, англосаксонскими и северными странами с их системой общего права (*Common Law*), признававшими политические права женщин еще до Второй мировой войны, и, с другой — латиноамериканскими странами с Гражданским кодексом, где право голоса женщины получили лишь после 1945 г.

Левые партии, Рабочая социалистическая партия Испании (PSOE) и объединение левых партий Испании в 1987 г. ввели систему квот (женщинам — 25 %), а с 1997 г. приняли принцип паритетной демократии. С этого времени уставы партий включают пункт о равном представительстве мужчин и женщин в процентном соотношении от 40 % до 60 % как среди кандидатов на выборах, так и в руководящих органах партии. При этом два региона приняли закон об обязательном равенстве и чередовании мужчин и женщин в списках на парламентских выборах регионального уровня: автономное сообщество Балеарских островов с июня 2002 г. и Кастилия-Ла-Манча с июля 2002 г. Как говорится в избирательном законе сообщества Балеарских островов, французские законы о равном представительстве стали примером для стран, которые «желают максимально обеспечить равный доступ мужчин и женщин к избираемым должностям». Однако после судебного иска Народной партии Испании высшая судебная инстанция признала недействительными эти два региональных закона. Несмотря на юридические барьеры, премьер-министр Испании социалист Хосе Луис Родригес Сапатеро применил на практике принцип равенства полов при определении кандидатур от своей партии на парламентских выборах 2004 г., а также 18 апреля того же года, сформировав правительство с равным представительством мужчин и женщин. Это второе после Швеции правительство в Европе, где реализуется принцип равного представительства. Важно отметить, что в Испании, как и в Германии, консервативные партии также используют систему квот.

Конституционный закон «О реальном количестве равенстве мужчин и женщин в политике», принятый в Испании 22 марта 2007 г., представляет особый интерес, поскольку применяется во всех сферах государственной политики: от образования до собственно политической деятельности. Принятие данного закона, также как и принятие в 2004 г. закона против насилия в сфере половых отношений, стало отличительной чертой политики социалисти-

ческого правительства Испании. Данный закон противоречит существовавшему до этого политическому курсу на уровне страны, автономных сообществ и местных органов власти. Этот закон обеспечивает «обязательное равное представительство мужчин и женщин на любых руководящих постах» во всех административных учреждениях и выборных коллегиях. Предполагается также за 8 лет с момента принятия закона достигнуть равного представительства женщин и мужчин в советах директоров предприятий со штатом более 250 человек. Закон устанавливает минимальный порог представительства женщин в 40 % на выборах по спискам. В итоге в 2000 г. число женщин-депутатов составило 28,3 %, в 2008 г. оно достигло уровня 36,3 %, а в 2010 г. — 36,6 %.

Важно отметить, что в посткоммунистической Европе введение квот на равное представительство воспринималось как пережиток старой системы. В большинстве посткоммунистических стран женщины получили право избирать и быть избранными в 1918 г.

В Российской Федерации, в стране с самым длительным опытом коммунистического правления, женские организации, возникшие еще в советские годы, сыграли значительную роль в посткоммунистический период. Они стали основой партии «Женщины России», которая на выборах 1993 г. получила 8 % голосов. Существование этой партии, без сомнения, повлияло на другие партии, однако этого было недостаточно, чтобы привить паритетную культуру политическому миру России. В период с 1993 по 2010 г., представительство женщин в Думе увеличилось лишь на 0,5 % (13,5 % в 1993 г. и 14 % в 2010 г.).

Чешская социал-демократическая партия, которая сейчас у власти в стране, ввела систему квот для женщин в руководстве партии. На 2010 г. число женщин в чешском парламенте достигает 22 %. Квоты также находятся в центре обсуждения политических партий Польши. Предложение женщин-депутатов польского парламента о введении квот на женское представительство в 30 % не встретило достаточной поддержки. Однако на парламентских выборах 2001 г. Союз демократических левых сил Польши, Союз труда и Союз свободы приняли 30 %-ые квоты на представительство женщин в списках кандидатов. После октябрьских выборов 2005 г. нижняя палата польского парламента состояла из женщин на 20,4, а верхняя — Сенат — на 13 %. Новая система квот была введена и в Венгрии. После длительных споров Социалистическая партия Венгрии приняла систему квот на представительство женщин и молодежи в возрасте до 35 лет для формирования одной пятой мест вы-

борных органов партии. После парламентских выборов в апреле 2010 г. парламент Венгрии состоит из женщин на 9,1 %.

Если придерживаться хронологического подхода, то можно отметить, что понятие «паритет» и так называемые законы о равном представительстве приобретают особый смысл в контексте дебатов об использовании квот, происходивших во Франции в 70–80-е г. XX в. В 1975 г. Ф. Жиру, государственный секретарь по женским вопросам, предложила поправку к закону, согласно которой на муниципальных выборах в списки кандидатов нельзя включать более 85 % лиц одного пола. В 1979 г. выходит законопроект, который устанавливает новую максимальную планку в 80 % для кандидатов одного пола в коммунах с населением более 9 000 человек. Закон был принят Национальным собранием Франции, но так и не был представлен на рассмотрение в Сенат. В 1982 г. предлагаемая законодательная поправка, согласно которой в списки кандидатов нельзя включать более 75 % лиц одного пола, отклонена как неконституционная. В ней были найдены противоречия со статьей 3 Конституции и статьей 6 Декларации прав человека и гражданина, которая «запрещает любое деление избирателей и избираемых лиц на категории на выборах любого уровня, в том числе и на муниципальных выборах» (Решение № 82-146 DC от 18 ноября 1982 г. и решение № 98-407 DC от 14 января 1999 г.). Данные аргументы открыли дебаты о том, насколько включен принцип универсализма в понятие «гражданин». Идея равного представительства, выдвинутая еще в 1980-х гг. женскими ассоциациями, начинает звучать в обществе в связи с публикацией в 1992 г. книги «Француженки — к власти: свобода, равенство, равное представительство», в которой выдвигается требование законодательно закрепить равное представительство: «Мы выдвигаем требование о признании нового права, права на равенство полов и предлагаем, чтобы оно было законодательно оформлено следующим образом: "Выборные органы, как на территориальном, так и на национальном уровне, состоят из равного числа женщин и мужчин"» [8, р. 10]. Дебаты по этому поводу широко освещались в средствах массовой информации и привлекли широкие круги представителей гражданского общества, ученых и политиков. В прессе были опубликованы два манифеста. «Манифест 577 за демократию равного представительства», появившийся на страницах газеты «Монд» 19 ноября 1993 г., был подготовлен представителями интеллигенции (Манифест, подписанный 289 женщинами и 288 мужчинами, требует принятия конституционного закона, который выдвигает условие, чтобы «выборные органы, как на

местном, так и на национальном уровне состояли из равного числа женщин и мужчин»). Позднее его дополнил «Манифест десяти в защиту равного представительства» в еженедельнике «Экспресс» 6 июня 1996 года (Манифест был подписан десятью женщинами, бывшими министрами или членами руководства правых и левых партий).

Политолог И. Синтомер [9] выделяет разнообразие аргументов в пользу закона о равном представительстве. Он различает аргументы, приведенные феминистами-дифференциалистами (сторонники равенства между мужчиной и женщиной, не забывающие о природных и социальных различиях полов), республиканцами — приверженцами равного представительства и эгалитаристами-прагматиками (выступают за полное равенство мужчин и женщин). Чтобы показать, как дебаты между сторонниками и противниками равного представительства ведут, в конечном счете, к переосмыслению понятий «гражданин» и «демократия», мы представим их посредством трех основных ракурсов: с точки зрения принципа республиканского универсализма, опасений закрепления в обществе различий по половому признаку и боязни превращения полов в обособленные социальные общины.

Первым возражением против принятия закона о равном представительстве в политике стало возможное нарушение фундаментального принципа демократии, согласно которому «легитимен лишь абстрактный гражданин, т. е. человек как таковой, без какой бы то ни было социальной, религиозной, культурной характеристики или принадлежности к тому или иному полу» [10, р. 92]. Следуя данной логике, система квот рассматривается как позитивная дискриминация, и женщины составляют отдельную категорию в обществе, что противоречит принципу неделимости суверенного народа.

Однако республиканцы — приверженцы равного представительства, как, например, юрист Ж. Вогель или историк М. Перро, называют такой универсализм фальшивым, поскольку он отрицает очевидное неравенство полов в преимущественно мужском представительстве. Таким образом, противники равного представительства (как, например, историк М. Рио-Сарсе и философ Э. Бадинтер) противоречат сами себе, поскольку, продолжая рассматривать граждан только как «абстрактных индивидуумов», они возмущаются тем, что женщины недостаточно представлены в политических органах.

Некоторые сторонники абсолютного равенства между мужчинами и женщинами опасаются, что различие по половому признаку может привести к еще большему исключению и принижению женщин, тем более если оно будет закреплено законом.

Сторонники равного представительства по-разному отвечают на данное опасение. Социолог Ф. Гаспар, историк А. Фарж и депутат от Партии зеленых в Европарламенте А. Липиц утверждают, что различия по половому признаку являются социальным и историческим конструктом. Выявление эволюции различий по половому признаку и производного социального неравенства представляют собой неизбежный этап на пути достижения равноправия между женщинами и мужчинами, в частности, в политической сфере. Философ Ж. Фресс различает утилитарную ценность понятия «паритет» и сложности, связанные с его философским обоснованием. Тот факт, что теоретически равенство мужчин и женщин не может быть доказано и политика не может быть основана на признании биологических различий, не мешает идее паритета работать на практике для достижения равного представительства женщин и мужчин в политической жизни.

Противники равного представительства часто обвиняют своих оппонентов в «желании перевернуть политическую систему и навязать американскую модель демократии общин, основанную на системе квот» [11]. Приводятся два основных аргумента. Во-первых, не стоит укреплять дискриминацию в обществе, закрепляя дискриминационные принципы законодательно. Во-вторых, гендерное различие не является каким-то особенным и не может считаться привилегией. В таком случае, как уже в 1979 г. подчеркивал Ж. Ведель, сам факт признания принципа введения гендерных квот может стать рискованным, поскольку и представители других социальных категорий, выделяющихся по национальной, религиозной или сексуальной принадлежности, начнут требовать признания аналогичных прав.

Сторонники равного представительства предлагают свое собственное видение принципа равенства и утверждают, что паритет мужчин и женщин вовсе не противоречит основополагающим принципам республики. Прежде всего, отмечают они, женщины не составляют особую группу, которую можно выделить по физическому критерию. Они не являются носителями особой культуры, не составляют отдельный класс общества. Женщины — это особая категория. Разделение на два пола — это первичное и всеобщее разделение, которое никак не может быть оспорено. Принадлежность к мужскому или женскому полу и есть универсальная категория или, согласно философу С. Агасински, «универсальная смесь». Что же касается позитивной дискриминации по отношению к женщинам, которая противоречит принципу равенства, то сторонники равного представительства приводят при-

мер позитивной дискриминации по отношению к мужчинам, которая существует издавна и сохранилась вплоть до наших дней. Политолог Ж. Моссюз-Лаво утверждает, что равное представительство мужчин и женщин в политике вовсе не противоречит республиканским принципам, а наоборот, способствует их переосмыслению и укреплению, и не только в пользу женщин. Она считает, что равное представительство — это шаг вперед в эпоху, где больше не будет различий по половому признаку. Однако, поднимая вопрос равенства полов, она не забывает о некоторых неоспоримых различиях.

Подведем итоги. С момента принятия 6 июня 2000 г. закона о равном представительстве мужчин и женщин в политике прошло более 10 лет. Мы часто слышим о неэффективности законов о равном представительстве, особенно исходя из мировой классификации стран по количеству женщин в национальном парламенте. В 2010 г. с 18,9 % женщин-депутатов Франция была на 65-м месте в мире, в то время как до принятия закона о равном представительстве, по итогам парламентских выборов 1997 г., Франция находилась на 42-м месте. Но все же, на мой взгляд, неправильно делать вывод, что законы о равном представительстве неэффективны, просто другие страны смогли быстрее увеличить количество женщин-депутатов в своих парламентах. Сказывается то, что во Франции парламентские выборы проходят по мажоритарной избирательной системе, в данном случае соблюдение закона о равном представительстве является лишь желательным и не носит обязательного характера. Партии, которые не выдвигают равное количество кандидатов женщин и мужчин, рискуют навлечь на себя только финансовые санкции.

Практика показала, что закон, принятый 6 июня 2000 г., оказался эффективным лишь в отношении тех выборов, где его применение носило обязательный характер. Речь идет о муниципальных выборах в коммуны с населением более 3500 человек, региональных и общеевропейских выборах и выборах в Сенат по пропорциональной системе. Однако эффект закона оказался минимальным в тех сферах, где он призывает, а не обязывает провести определенные изменения.

Главным результатом действия закона стало увеличение числа женщин в муниципальных и региональных советах. На сегодняшний день представительство женщин в коммунах с населением 3500 человек и более достигло 48,5 % (25,7 % в 1995 г.), а в региональных советах — 48 % (27,5 % в 1998 г.). Однако возрастание роли женщины во французской политике в целом оказалось ограниченным. Сохранилось доминирование мужчин на тех постах, где закон не определяет присутствие женщин кво-

тами: 81,5 % депутатов, 78,1 — сенаторов и 92,8 — председателей межмуниципальных союзов все еще мужчины. Несмотря на закон от 31 января 2007 г., который предполагает обязательное равное представительство мужчин и женщин в исполнительных органах власти на муниципальном и региональном уровнях, 90 % председателей региональных советов, 87,7 — председателей генеральных советов и 76,2 % мэров — это по-прежнему мужчины. Таким образом, многочисленные условия применения закона вполне объясняют противоречивые итоги его применения.

Обладают ли женщины-политики теми же качествами, что и мужчины-политики? Нет, метод отбора кандидатов женщин и кандидатов мужчин сильно различается. Политические партии становятся ближе к гражданскому обществу через женское представительство, однако несмотря на это женщины занимают второстепенное место в политической жизни. В политике они часто представляются некомпетентными, их присутствие в органах власти воспринимается лишь как вынужденный шаг на пути к равному представительству. Политические партии часто отбирают представительниц женского пола не за их политические таланты, а по целому ряду социальных признаков (происхождению, возрасту, принадлежности к ассоциациям скорее, чем к партиям). Таким образом, женщины попадают в своего рода зависимость от принимающей партии. В итоге можно сказать, что женщинам проще вступить в какую-либо политическую партию, чем добиться в ней престижного положения.

Можно ли распространить политический принцип равноправия на социальную и профессиональную сферы? Этот вопрос очень актуален, поскольку увеличение числа женщин на рынке труда и недавно установленное равенство прав все еще не означают полноценного равенства между полами [14].

Во Франции в течение последних пятидесяти лет увеличением активности женщин обеспечивается обновление рабочей силы. Процентное соотношение числа женщин к экономически активному населению возросло с 28 % в 1960 г. до 47,1 — в 2010. Но разрыв в заработной плате между мужчинами и женщинами снизился с 34 % в 1950 г. только до 18,9 — в 2006 г. В заработной плате мужчин и женщин, занимающих одну и ту же должность, существует разрыв от 11 до 6 % [15]. К тому же женщины составляют только 37,3 % менеджеров и специалистов высших интеллектуальных профессий, 17,1 % руководителей предприятий с 10 и более наемными работниками.

Конституционная реформа от 21 июля 2008 г. о модернизации институтов власти 5-й Республики позволяет принимать законы о введении квот в эко-

номической и социальной сферах. 28 октября 2010 г. Сенат принял во втором чтении закон о равном представительстве женщин и мужчин в административных и наблюдательных советах и о профессиональном равенстве. Уточняется, что в акционерных обществах, которые котируются на бирже и издают ценные бумаги, а также в компаниях с 500 и более наемными работниками, торговый оборот которых превышает 50 млн евро, количество управляющих каждого пола должно достигнуть порога 20 % за 3 года и 40 % за 6 лет с момента обнародования закона. Подобные законы уже существуют в Норвегии и Испании.

Подводя итоги, стоит сказать, что французская специфика заключается в том, что само понятие «паритет» поднимает вопрос «разделения человечества на мужчин и женщин» [16], объясняя при этом сложившиеся в обществе стереотипы по поводу власти, иерархии и классификации в приложении к концепциям гражданства. Такое разделение позволяет увидеть демократическое общество, где все граждане равны, невзирая на какие-либо личные характеристики, или, как говорила философ Н. Фразер, где каждый имеет право стать «равным» или «равной» [17]. Возможность сделать разделение власти между полами реалистичным ведет к пересмотру ролей мужчин и женщин в общественной и частной сферах. Конечно, наличие такой возможности не приведет к тому, что все женщины станут в одночасье политиками и управленцами (как не являются политиками и управленцами и 100 % мужчин). Но то обстоятельство, что женщины будут иметь на такие должности нечто большее, чем просто формальное право, ставит под сомнение наши прошлые взгляды на мужчин и женщин.

Список цитированных источников

1. *Derville, G.* Les femmes et la politique / G. Derville, S. Pionchon. — Grenoble, 2004. — P. 96.

2. *Viennot, E.* La démocratie "à la française" ou les femmes indésirables / E. Viennot. — Paris, 1996 ; *Mossuz-Lavau, J.* Parité : la nouvelle «exception française» / J. Mossuz-Lavau // *Femmes, genre et sociétés.* — Paris, 2005. — P. 307–314.

3. *Demichel, F.* À parts égales : contribution au débat sur la parité / F. Demichel. — Paris, 1996. — P. 95.

4. *Fraisse, G.* La controverse des sexes / G. Fraisse. — Paris, 2001.

5. *Sénac-Slawinski, R.* Genre et pouvoir en Europe / R. Sénac-Slawinski // *Informations sociales* 2009. — № 151.

6. *Sénac-Slawinski, R.* La parité, "Que sais-je?" / R. Sénac-Slawinski. — Paris, 2008.

7. *Achin, C.* Le „salto“ du stigmat. Genre et construction des listes aux municipales de 2001 / C. Achin, M. Paoletti // in Eric Fassin, Christine Guionnet, *La parité en pratiques*, Politix, n°60, P. 33–54.

8. *Gaspard, F.* Au pouvoir citoyennés ! Liberté, égalité, parité / F. Gaspard, C. Servan-Schreiber, A. Le Gall. — Paris; Seuil, 1992. — P. 10.

9. *Sintomer, Y.* Délibérer, participer, représenter: vers une sociologie de la justification politique / Y. Sintomer. — Paris, 2005.

10. *Varikas, E.* Une représentation en tant que femme? Réflexions critiques sur la demande de la parité des sexes / E. Varikas // *Nouvelles questions féministes.* — 1995. — Mai. — P. 92.

11. *Badinter, É.* // *Le Monde*, 1996. — 12 juin.

12. *Sineau, M.* Profession femme politique. Sexe et pouvoir sous la Ve République / M. Sineau. — Paris, 2001. — P. 269.

13. *Achin, C.* Sexe, genre et politique / C. Achin. — Paris, 2007. — P. 128.

14. *Maruani, M.* Travail et emploi des femmes / M. Maruani. — Paris, 2003. — P. 3.

15. *Maruani, M.* Femmes, genre et sociétés: l'état des savoirs / M. Maruani. — Paris, 2005.

16. *Sénac-Slawinski, R.* L'ordre sexué — La perception des inégalités femmes-hommes / R. Sénac-Slawinski. — Paris, 2007.

17. *Fraser, N.* Social Justice in the Age of Identity Politics: Redistribution, Recognition, and Participation / N. Fraser // *Redistribution or Recognition? A Political-Philosophical Exchange* / N. Fraser, A. Honneth. — London, 2003.

Дата поступления в редакцию: 20.02.2011 г.